

ОСОБЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Известный французский историк XX века Марк Блок однажды сказал: «Христианство является религией историков». Этими словами выражено очень много. Во-первых, ими утверждается историчность христианства. Вся Священная история разворачивается в конкретном реальном пространстве и времени в отличие от мифологического пространства и времени иных религиозных представлений.

Но в этих словах есть и более глубокий смысл. Бог сотворил человека не для того, чтобы оставить его наедине с самим собой. Он с момента творения человека участвовал в его жизни. Даже тогда, когда человек своею волею отвернулся от Бога, отступил от него, самоутверждаясь в этом отступничестве, Бог не отступил от человека. С момента грехопадения, пропасть, которая разверзлась между Богом и человеком, могла быть заполнена только Богом. Обожение стало одновременно и делом спасения человека.

Вся история Ветхого Завета свидетельствует о том, что Бог постоянно рядом с человеком. Он напоминает о себе через пророков, совершает чудесные знамения, свидетельствующие о явлении Божественной славы. Бог терпеливо учит человека, давая ему представление о норме жизни через заповеди, наказывая за отпадение в язычество и извращение нравственных устоев жизни, укрепляя, когда люди стремились вернуться к богооткровенной вере и морали.

Промысл Божий готовил человечество к величайшему событию – воплощению Сына Божия. Своим рождением, страданиями, смертью, воскресением и вознесением Иисус Христос совершил дело искупления и спасения человека. В Рождестве Христовом Бог соединил себя с человечеством во всей возможной полноте и навеки. Он вошел в сердцевину человеческой истории, и там будет пребывать до скончания времен. Его Рождеством вечность вошла во время, начаток Царства Божия был посеян на земле и стал возрастать в Церкви. Как писал прот.Георгий Флоровский: «В Библии есть история. Более того, сама Библия есть История, летопись деяний Бога над Его избранным народом. Библия хранит прежде всего *Magnalia Dei* — великие деяния Божии. Бог начинает эту книгу. В ней есть начало, есть конец, он же и цель. Вот начальная точка — созидающее Божие “да будет”. Вот и конец: “Ей, гряди, Господи Иисусе!” (Откр 22:20). От Бытия до Откровения — единая книга, составленная из многих глав. И это книга истории. Между началом и концом лежит путь. У него есть направление, есть конечная цель. Каждое мгновение расположено между началом и концом и имеет свое

неповторимое место в истории. Ни одно событие невозможно понять в отрыве от целого»¹.

Все это определяет сложность и богатство исторического сознания христианства. Попытаемся описать некоторые его характеристики:

1. Христианский историк не может рассматривать историю только как результат деятельности людей. В истории с самого начала действует и Промысл Божий. По определению В.Н.Лосского, «Промысл есть определение Божественной воли в соответствии с человеческой свободой, в предвидении свободных действий твари»². Промысл Божий открывается только тем, кто умеет познавать волю Божию. Другим он невиден. Но его неприметность, обусловленная ненасильственным отношением к свободе человека, не означает его отсутствие. Вот как об этом писал митр. Антоний Сурожский: «Человек призван к тому, чтобы стать соучастником жизни Божией; и Бог, творя человека, Себя отдает. Он не только вызывает к жизни какое-то жалкое существо, которое во всем будет от Него зависеть; Он вызывает к бытию существо, которое будет стоять лицом к лицу с Ним, полноправно; которое лицом к лицу будет с Ним общаться... Бог нас вызывает в бытие, ставит нас перед Собой и предлагает все, что Он есть, все, что у Него есть, разделить с нами; в нашей власти – принять или отказать... И вместе с тем так часто человек свое достоинство забывает, мельчает, делается недостойным самого себя, не говоря уже о своем божественном призвании. И Бог его не оставляет. Вся история человечества говорит о том, как человек чует тайну Божию и в этой тайне Божией, через нее, в глубинах этой тайны находит самого себя, находит свое величие, находит образ или отображение того человека, которым он должен стать в конечном итоге. Бог говорит на протяжении своей истории многообразно, различными путями, через людей ясного ума и чистого сердца, через людей просвещенных, просветленных; говорит через ужас жизни, говорит через совесть, говорит через красоту, говорит через события, призывая человека вырасти в полную меру. Но Он не только говорит... Он делается соучастником человеческой жизни и человеческой трагедии, Он становится человеком; Он воплощается; Бог входит в историю; Бог на себе несет ее тяжесть»³.

Перед христианским историком всегда стоит задача - показать действие Промысла Божия за пределами Священного Писания⁴.

2. Признание действия Промысла Божия в истории ведет к утверждению телеологичности (целенаправленности) исторического процесса. Воля Бога всегда спасительная. Вся история человечества в свете

¹ Прот. Георгий Флоровский. Откровение и истолкование.

² Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991, с.105.

³ Митр. Антоний Сурожский. Человек перед Богом. М., 2000, с.33-34.

⁴ Замечательным примером такого рода является работа свт. Николая Сербского «Сербский народ как раб Божий» (М., 2004)

промыслительного действия Бога приобретает сотериологический характер. При этом дело спасения вовсе не означает исторической победы христианства, или победы христианства в границах земной истории. Напротив, согласно Священному Писанию, христианство в конце истории будет терпеть поражение. Но смысл истории вполне будет открыт только тогда, когда Сын Божий явится во славе и совершится Страшный Суд.

Эти особенности исторического сознания в христианстве привели к появлению особого метода толкования исторических текстов – типологической экзегезы. Как метод толкования Священного Писания она особенно плодотворно разрабатывалась трудами Отцов Антиохийской школы богословия (свт.Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Низский, Иоанн Златоуст и др.).

Типологическая экзегеза представляет собой такой способ истолкования Священного Писания, при котором отдельные образы, лица, события Ветхого Завета истолковываются как прообразы реальных, действующих лиц и событий новозаветной истории. Истоки ее уходят в ветхозаветную пророческую литературу. В пророчествах заключаются смыслы, которые окончательно выясняются и обнаруживаются в действительности после того, как пророчество осуществилось. Вера в возможность пророческого предвосхищения порождает представление о внутренней связи различных временных пластов, позволяющей усматривать отображения будущего в настоящем и прошлом.

Новозаветная типология основана на убеждении, что мессианские времена уже настали и что ветхозаветные пророчества о пришествии Спасителя исполнились с пришествием Иисуса Христа. Будущее, которое для пророка было задано прошлым, для христианского экзегета уже данность. Сейчас у него появляется обратная задача: обнаружить в прошлом пророчества, предвосхищающие настоящее¹.

Типолог истолковывает не столько тексты, сколько события. Это не только филологический, но и исторический метод. Типолог ищет, обосновывает и показывает внутреннюю перекличку событий обоих Заветов. Не каждый эпизод Ветхого Завета имеет себе соответствие в Новом. Но основные события Ветхого Завета являются “типами”, прообразами основных событий Нового. И эти соответствия Божественного происхождения так как являются ступенями единого процесса, ведомого Промыслом Божиим. Типологический метод предполагает и заключает в себе реальность истории, ведомой и направляемой Богом.

Впоследствии типологическая экзегеза расширяет пространство своего применения, включая в себя всю историю Церкви. Священной историей становится не только история Израиля, описанная в Священном

¹ Нестерова О. Типологическая экзегеза: спор о методе // Альфа и Омега, 1998, N 4(18), с.64, 69-70.

Писании, но и история всего человечества, потому что Промысл Божий действовал и действует в отношении всех племен и народов. Как отмечал С.Говорун, «история богоизбранного народа, описанная в Ветхом Завете, дает лишь срез, **обнаруживающий тайные механизмы истории, которые по аналогии могут быть отнесены ко всем народам**»¹. Эту же мысль в свое время подчеркивал прот.Георгий Флоровский: «**Все человеческие судьбы, как в фокусе, собраны в судьбе Ветхого и Нового Израиля, избранного народа Божиего, народа, принадлежащего только Богу**». Таким образом, вся история становится местом встречи человека и Бога.

В связи с этим важно сделать одно методологическое замечание. Позитивистский идеал исторической науки нацеливал историка на выявление и изложение фактов. Предметом же внимания типологического метода является **событие**. И мы имеем возможность дать точное понимание того, что является историческим событием. Д.С.Лихачев, говоря об особенностях древнерусского летописания, отмечал: «События священной истории придают смысл событиям, совершающимся в настоящем, они объясняют состояние вселенной и положение человечества относительно Бога»². Таким образом, историческое событие – это выявление смысла истории в факте действительности.

Эти особенности христианского исторического сознания ярко проявились Древней Руси, найдя свое отражение в основном типе исторических текстов того времени – летописях. Мы не будем здесь останавливаться на истории изучения летописания в дореволюционной и советской историографии. Отметим только, что сегодня восприятие летописей как текстов, отражавших определенный политический заказ, или механический сбор разнородных сведений признается несостоятельным. Слишком много особенностей летописей не укладываются в это прокрустово ложе.

Прежде всего отметим, что летопись – это не хронограф. Хронографы как тип исторических текстов возникли на Западе и хорошо были известны и в Древней Руси. Их основной принцип – изложение истории по царствованиям. Летопись же – это погодное изложение событий. В подавляющем большинстве случаев авторами летописей были монахи. При внимательном изучении текстов летописей видно, что основное внимание уделяется совершенно определенным событиям. Существует и специфическая их интерпретация.

¹ Говорун С. Христианство и история // Богословие и апологетика. Сретенский альманах. М., 2001, с.59.

² Цит.по: Ужанков А. Русское летописание и Страшный Суд («Совестные книги» Древней Руси) // Богословие и апологетика. Сретенский альманах. М., 2001, с.43.

В современной исторической литературе уже не раз подчеркивалось, что аналогом древнерусских летописей является не европейские хроники, а книги, упоминание о которых мы встречаем в Священном Писании¹.

Как уже отмечалось, в христианском представлении история человечества конечна. Ее завершением будет второе пришествие Христово и Страшный Суд, который определит участь человека в вечности. В Откровении Апостола Иоанна Богослова есть такое описание Страшного Суда: «И увидел я белый престол и Сидящего на нем, от Лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими» (Откр.20,11-12). То же мы находим и в службе первой седмицы Великого Поста: «На Страшном судилищи без оглагольников обличаются, без свидетелей осуждаются; книги бо совестные разгибаются и дела сокровенные открываются».

Итак, первым прообразом летописей являются «совестные книги», по которым Господь будет совершать Свой Суд. Не случайно летописание на Руси, скорее всего, появляется в 1036-1039 гг., когда обострились эсхатологические ожидания. По некоторым толкованиям Воскресением Христовым сатана был связан на тысячу лет, а затем ему будет попущено прельстить мир и властвовать три с половиной года перед вторым Пришествием Христовым.

Отсюда такое внимание в летописях обращается на нравственный аспект деяний людей, особенно князей, так как они об Бога имели власть и перед Ним за нее будут отвечать: «Аще бо князи правдивы бывают, то многа отдаются согрешенья земли, аще ли зли и лукавы бывают, то болше зло наводит Бог на землю, понеже то глава есть земли»².

Даже небесные знамения (затмения солнца и луны, кометы, землетрясения, неурожай и проч.) понимались как предупреждение о казнях Господних за грехи, что должно было подвигнуть людей к покаянию: «Се же бысть за грехи наша, яко умножися греси наши и неправды. Се же наведе на ны Бог, веля нам имети покаяние и встыгнути ся от греха, и от зависти и от прочих злых дел неприянин»³. Так же позже смотрел на природные беды еп.Серапион Владимирский: «Се уже наказает ны Бог знаменья, земли трясением Его повеленьем: не глаголати усты, но дела наказает. Всем казнив ны, Бог не отведет злаго обычая. Ныне землю трясеть и колеблет, беззаконья грехи многая отрясти хочет, яко лествия от древа»⁴.

¹ См.напр.: Данилевский И.Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история, 1995, N 5; Ужанков А. Указ.соч.

² Цит.по: Ужанков А. Указ.соч., с.38.

³ Там же, с.31.

⁴ Там же, с.32.

Чтобы придать истинную меру деяниям исторических лиц, летописцы включают русскую историю в библейский контекст. Тогда вторым прообразом летописей выступает само Писание, в частности, «Деяния апостолов», которые на Руси называли летописанием¹.

Б.А.Успенский, говоря о восприятии истории в Древней Руси, писал: «Восприятие истории в Средние века в значительной мере определялось знакомством с библейскими текстами: происходящие или произошедшие события воспринимались как значимые постольку, поскольку они соотносились с сакральными образцами – прежде всего с библейскими событиями. Чем яснее, выразительнее было это соотношение, тем значимее представляли события; в предельных случаях могло иметь место непосредственное отождествление тех или иных событий или явлений с библейскими прообразами. Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотношение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего»².

Основной летописный свод Древней Руси – «Повесть временных лет» - начинает повествование с рассказа о расселении людей после потопа. Летопись имела в себе и эсхатологическую направленность, то есть включала в себя перспективу конца света и Страшного Суда. В таком восприятии история Руси становилась органической частью новозаветной истории. А это значит, что для осмысления истории Руси применим типологический метод.

И.Н.Данилевский показал действие этого метода на примере текста ПВЛ, посвященного князю Святополку Окаянному³, которого летописец соотносит с ветхозаветными Каином, Ламехом, Авимелехом и Антиохом. И таких примеров можно привести много. Как подчеркивал А.Ужанков, таким соотношением истории русского и израильского народа летописцы показывали, что «нет ничего в новой истории, чего прежде бы не было в ветхозаветной. И как оценены деяния и поступки библейских персонажей, так будут оценены деяния и поступки современных летописцу князей. И, наконец, главное – любое волеизъявление человека (выбор между добром и злом) может быть оценено (и оценивается!) через Священное Писание, ибо такая оценка уже была дана ветхозаветным лицам и будет дана – на Страшном Суде – новозаветным»⁴.

Другим ярким примером христианского восприятия истории в Древней Руси является древнерусский Паремийник, в который были включены чтения из жития святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба. Данный текст оказался помещен в состав текстов из Книги Бытия вместо

¹ Данилевский И.Н. Указ.соч., с.103.

² Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000, с.5.

³ Данилевский И.Н. «В часы свободные от подвигов духовных...»? //Знание – сила, 1995, N 12.

⁴ Ужанков А. Указ.соч., с.51-52.

рассказа о Каине и Авеле. Он читался во время богослужения и воспринимался как один и тот же рассказ или его конкретная реализация. Иначе говоря, история Бориса и Глеба воспринималась как библейское повествование в переводе на язык русской истории¹.

Но эта проекция уходила не только в прошлое, но и в будущее. По замечанию Б.А.Успенского, «Будучи первыми, Борис и Глеб принадлежат к начальному, онтологически исходному плану: они являются началом, точкой отсчета. Они определяют, так сказать, парадигму русской святости, и характерно, что последующие русские святые могут соотноситься с Борисом и Глебом»².

Все эти смысловые соотнесения делают русскую историю сакральной и русскую землю – священной.

В лице древнерусских летописцев мы видим тех, кто владел методом типологии, позволяющим выявлять смысл истории. Но не будем забывать, что их исторические труды находились в полном соответствии с личной аскезой и духовными подвигами. Об этом стоит помнить историкам нашего времени, дерзающим неосторожно, от разумения своего толковать события далекого и недавнего прошлого.

¹ Успенский Б.А. Указ. соч. с. 22.

² Там же, с. 43.